

Глава 11. Ду Юньсэ

Накануне праздника Цинмин уезд Чжан окутала серая дымка морозящего дождя. На плодородных черных землях северо-востока уже пробивалась первая зелень. Потеплело; прохожие сменили тяжелые одежды на легкие халаты, а на улицах уездного города повсюду выстроились лотки с благовониями и жертвенными подношениями.

После полудня в город вошли двое путников с лошадей. Юноша, шагавший впереди и ведший коня под уздцы, был широк в плечах и тонок в талии. В каждом его уверенном движении сквозила сила и выправка опытного бойца.

На полшага позади него шел молодой человек с книжным коробом за спиной. Волосы его были черны как тушь, а лицо — безупречно красиво. Весь его облик дышал благородством и сдержанностью истинного мужа. Даже в скромном поношенном платье он, казалось, излучал чистое сияние, подобно редкой орхидее или драгоценному дереву.

— Юньсэ, это и есть твои родные края? Куда нам теперь? — спросил У Шэнь, похлопав коня по морде.

Ду Юньсэ поднял взгляд на знакомые и в то же время ставшие чужими улицы уезда Чжан. В душе его теснились тысячи мыслей.

— Я не был здесь шесть лет, — ответил он после недолгого молчания. — К тому же мой дом в деревне, я плохо знаю городские дороги.

Спутник по-дружески хлопнул товарища по плечу:

— В этот раз ты вернулся надолго. Твоя матушка наверняка радуется там, на небесах, видя тебя дома.

Ду Юньсэ ничего не ответил. Когда весть о внезапной болезни матери достигла столицы, он был фактически заперт в поместье своего наставника Вэнь Хойяна. К тому времени, как письмо, долго удерживаемое у ворот, наконец попало к нему в руки, пришла и другая весть: матери больше нет.

В тот день он долго смотрел в пустое небо. Переодевшись в траурные одежды, он отвесил девять поклонов в сторону родной деревни семьи Ду и три дня стоял на коленях у ворот строго охраняемого поместья Вэнь, пока император не издал указ, в котором похвалил его за безупречную сыновью почтительность и дозволил вернуться домой, чтобы почтить память матери.

Сам Ду Юньсэ считал, что недостойн таких похвал. Если бы он и впрямь был почтительным сыном, то не отсутствовал бы оба раза, когда родители покидали этот мир. С отцом он успел

проститься, но смерть матери застала его вдали, и он не смог даже проводить её в последний путь.

Каждый раз, думая об этом, он казнил себя, чувствуя, что не справился с долгом сына. Сколько бы ни было оправданий, факт оставался фактом.

У Шэнь, заметив, что задел болезненную струну, поспешил исправиться:

— Твоя матушка наверняка не стала бы винить тебя. Знаешь что? Завтра Цинмин. Я задержусь на день, куплю благовоний и подношений, и мы вместе сходим к ней на могилу. Я тоже замолвлю за тебя словечко.

Юньсэ уже взял себя в руки:

— Его Величество приказал тебе прибыть в полк в течение пятнадцати дней. Нельзя терять ни дня. Отдохни немного в городе, а вечером снова в путь.

Его товарищ помрачнел:

— Вот что у императора на уме, а? Дом мой разорили, всю семью сослали на юг, а меня одного отправили на северо-восточную границу каким-то цзунци.

У Шэнь был единственным и поздним сыном великого генерала У Диншаня. Несколько месяцев назад разразилось дело о коррупции в Цзяннани, потрясшее весь двор. Удар был нацелен на наследного принца. Разгневанный император обрушил кары на многих сановников: великий наставник Вэнь Хойян, заступившийся за принца, был брошен в темницу, а У Диншань, связанный узами родства с семьей матери наследника, лишен чинов и имущества. Всю его семью отправили в ссылку.

Гнев Сына Неба был подобен удару грома — никто не осмеливался перечить.

— Государь сохранил жизнь семье У и распорядился твоей судьбой отдельно, — заметил Ду Юньсэ. — Значит, он не намерен окончательно губить ваш род. Смирению исполняй приказ и больше не допускай ошибок.

— Я и сам так думаю, но цзунци... — юноша покачал головой.

Быть сыном великого генерала и оказаться в чине седьмого ранга, командуя лишь пятьюдесятью воинами на окраине империи — падение было болезненным.

— Перед отъездом я мельком видел отца. Он велел мне честно служить и безжалостно разить врагов, а о них не беспокоиться. Но на юге сыро, кругом лихорадка... Не знаю, как они там

приживутся без гроша в кармане, — вздохнул он.

Взгляд Ду Юньсэ дрогнул. У Диншань был старым воином, не раз ходившим в походы с императором, и знал его как никто другой. Если он дал сыну такой наказ, значит, за этим делом действительно скрывалось нечто большее.

Через несколько дней после того, как Ду Юньсэ разрешили покинуть столицу, наследный принц, находившийся под домашним арестом, внезапно тяжело занемог. Сердце императора смягчилось; он освободил часть сановников, связанных с Восточным дворцом, заменив казни ссылками, лишением имущества или домашним арестом. Так им хотя бы сохранили жизни.

У Шэнь, получив назначение, не смел медлить. Повидавшись с отцом, он во весь опор помчался к месту службы. Встретив на полпути Ду Юньсэ, он подвез его, благодаря чему тот прибыл домой на несколько дней раньше срока.

— Учитель Вэнь под домашним арестом в собственном поместье. Ему лишь запрещено выходить и переписываться с внешним миром, в остальном же всё по-прежнему. Можешь не беспокоиться, — говорил У Шэнь, разглядывая товар на лотке под навесом. — Раз уж не могу пойти с тобой сам, позволь хоть купить подношения, чтобы выразить уважение.

Юноша, привыкший к роскоши, с сомнением оглядывал грубые свечи и бумагу на лотках уезда Чжан. Его взгляд скользил по товарам, пока не зацепился за разложенные в центре листы жертвенной бумаги с ручной росписью. Только они выглядели более-менее сносно.

— Эта бумага... — он внезапно замолчал.

После разорения дома У Шэнь остался ни с чем. С приказом о назначении ему выдали десять лянов серебра на обустройство. Боясь, что родные будут нужду терпеть, он всё отдал отцу. Сейчас в его кошеле оставалось чуть больше трехсот вэней на дорогу.

Молодой человек привык к столичным ценам и прикинул, что такая тонкая работа должна стоить не меньше семидесяти вэней за лист. А если взять еще бумажных денег и плодов, в сотню не уложишься.

Ду Юньсэ понимал его затруднение:

— Твой кошелек сейчас не слишком полон, не траться. Главное — твои намерения.

У Шэнь, уязвленный в своем достоинстве, всё же подозвал лавочника. Ответ его поразил: за лист просили всего пятнадцать вэней.

— Это самый ходовой товар в этом году! — зачастил торговец. — За пару дней три сотни листов разлетелись. Завтра самый день праздника, наверняка еще столько же продадим. Хозяин наш

сам у художника над душой стоит, глаз не спускает. Берите сейчас, а то до вечера ничего не останется!

Пока он говорил, подошел дородный приказчик в богатом халате и разом купил шесть листов — сказал, что каждому предку нужно по отдельному подношению.

У Шэнь изумленно повернулся к товарищу:

— Юньсэ, неужели в твоих краях всё так дешево?

Ду Юньсэ покачал головой. В уезде Чжан за подобный рисунок обычно просили около пятидесяти вэней. Он и сам не понимал, почему такая работа стоит столь мало.

— Дай мне два листа. И выбери бумажных денег да фруктов получше, упакуй всё вместе. Где у вас тут кисть и тушь?

У Шэнь воспользовался лавочными письменными принадлежностями, заполнил листы поминальными словами и протянул сверток другу, облегченно вздохнув. Они были знакомы несколько лет и ладили неплохо, а теперь, когда обоих затронула опала наследного принца, чувствовали себя товарищами по несчастью. Юноша был человеком чести; он считал, что даже в стесненных обстоятельствах обязан почтить память матери друга.

— Кстати, Юньсэ, кто у тебя дома остался? — Ду Юньсэ всегда был немногословен, и раньше случая спросить не выпадало.

— Отец был единственным сыном, мать пришла в наши края из другой провинции, спасаясь от голода. Бабушки и дедушки давно почили. Дома только младшие брат с сестрой, да муж-воспитанник.

— Ты обручен? — У Шэнь удивленно поднял брови.

— Шесть лет назад матушка выбрала его для меня, — спокойно ответил Юньсэ. — С тех пор он живет в нашем доме.

Собеседник усмехнулся:

— А я и не знал. Хотел бы я видеть лица тех столичных господ, что мечтали заполучить тебя в зятя, узнай они об этом.

— Я никогда этого не скрывал, — Ду Юньсэ покачал головой. — Просто некоторые не желали отступаться.

У Шэнь понимал тех людей. Подумаешь, какой-то деревенский муж-воспитанник... Одно письмо — и помолвка расторгнута. Но Ду Юньсэ был не из тех, кто так поступает.

— Ну и как он? Хорош собой? Учен ли, может ли стихи слагать? — поддразнил его юноша.

Ду Юньсэ остался бесстрастен:

— Я никогда его не видел. В деревне жизнь суровая, вряд ли у него была возможность обучиться грамоте.

У Шэнь так и прыснул:

— А я-то думал, вы, ученые мужи, все грезите о начитанных красавицах. А ты... ровно даос какой-то, ни разу не видел, чтобы ты на красоту заглядывался.

Ду Юньсэ бросил на друга короткий взгляд:

— Брак должен заключаться по воле родителей и слову свахи. Важнее всего характер и здоровье. Если смотреть только на внешность, можно легко обмануться и упустить истинную судьбу.

— Ладно, ладно, каюсь! Не буду больше о твоём суженом, — У Шэнь поднял руки в знак перемирия, понимая, что в споре с Юньсэ ему не победить.

Ведя коня под уздцы, они направились вглубь города, подыскивая постоянный двор, чтобы отдохнуть и подкрепиться перед дорогой. Внезапно У Шэнь остановился, нахмутив густые брови.

— Та повозка... С ней что-то не так.

Хоть он и был любимым сыном великого генерала, отец никогда не баловал его. Годы упорных тренировок наделили его не только силой, но и поразительной наблюдательностью.

Ду Юньсэ оглянулся на мула с телегой, остановившуюся в десяти шагах позади них, и тоже заметил неладное. Моросил дождь, но телега, груженная массивными сундуками, не была прикрыта рогожей. Если приглядеться, в укромных углах ящиков были проделаны отверстия размером с монету — будто для того, чтобы внутрь проникал воздух.

— В тех ящиках люди, — вполголоса произнес У Шэнь. — Похоже на торговцев живым товаром.

Случалось, что похитители, не желая тратить на покупку рабов, крали детей из добрых

семей и увозили за тысячи ли на продажу. Законы династии Юй карали за такое беспощадно, но жажда наживы была сильнее страха.

Повозка замерла у неприметного домика, двери которого тут же распахнулись. Навстречу вышли крепкие мужчины и принялись споро разгружать сундуки. Ду Юньсэ увлек товарища за собой, делая вид, что они просто проходят мимо.

— Их много. Возьми свое назначение и иди в управу, пусть дадут стражников.

У Шэнь не был безрассудным смельчаком и не собирался лезть на рожон один.

— Идем скорее, пока эти крысы не разбежались.

Чин уездного судьи был равен чину цзунци — оба седьмого ранга, но в империи Юй гражданские чиновники всегда стояли выше военных. Представ перед судьей, У Шэнь сначала вежливо поприветствовал его, а затем кратко изложил суть дела.

Судья Ван Чуцы, правивший уездом Чжан много лет, всем сердцем ненавидел похитителей. Понимая, что дорога каждая минута, он не стал тратить время на церемонии и тут же выделил десяток стражников, чтобы те под его началом взяли преступников.

Не прошло и часа, как шайка, даже не понявшая, на чем прокололась, была доставлена в суд. Сундуки вскрыли. В одном оказался одурманенный семнадцатилетний гээр, в самом доме нашли еще одного — лет пятнадцати. Оба были миловидны и изящны.

На допросе выяснилось, что банда промышляла не только в уезде Чжан, но и в соседних землях. Пятнадцатилетнего юношу украли в другом уезде, а старший был сыном богатого горожанина здесь, в городе.

— Вы уже получили свое, почему не бежали сразу, а остались в городе? — Ван Чуцы не упускал ни одной детали.

Главарь, отведав палок, растерял всю спесь и теперь выкладывал всё как на духу:

— Помилуйте, господин судья! Мы хотели уйти сразу, как схватили этого городского... Но вчера один знакомый шепнул, что в деревне на Цинмин намечается крупный куш. Вот и решили рискнуть, задержаться на денек... Кто ж знал, что так выйдет!

Вспоминая силу того юноши, что их выследил, похититель исходил злобой и раскаянием. Не стоило ему жадничать!

Ван Чуцы, услышав о готовящемся преступлении, в гневе ударил по столу судейским

МОЛОТКОМ:

— Куда вы собирались ехать в Цинмин? Кого похищать? Говори всё, до последнего слова!

Разбойник втянул голову в плечи и затараторил:

— В деревню семьи Ду! Там есть один гээр, Цю Хуанянь зовут. Его двоюродный и младший братья сами его и предложили!

У Шэнь, стоявший в стороне, вдруг заметил, как Ду Юньсэ, слушавший допрос, в одно мгновение весь натянулся, словно струна.

<http://bllate.org/book/15363/1372825>